

Информатические описания.

Описание 9. Библиотеки и информация: советский опыт практической дезинтеграции и научной интеграции

Рассмотрены причины ведомственной разобщенности библиотечно-библиографического обслуживания специалистов науки и техники в 1960–1970-е гг.; конкуренция между ГСНТИ и универсальными научными библиотеками Министерства культуры СССР; тенденция интеграции научной информатики, библиотековедения и библиографоведения.

Ключевые слова: библиотечно-информационное обслуживание, Государственная система научно-технической информации, информационный поиск, информатика, библиотековедение, библиографоведение, интеграция.

Советская власть понимала, что индустриализация народного хозяйства, развернутая в конце 1920-х–1930-е гг., невозможна без научно-технических знаний, научно-технической литературы и информации. Поэтому научные и технические библиотеки были мобилизованы на «фронт реконструкции и индустриализации». Государственная научная библиотека (ГНБ) в 1929 г. приступила к изданию аннотированной печатной карточки иностранной, а затем и отечественной литературы – «Техкарт»; с 1936 г. начал издаваться ежемесячный библиографический журнал «Новости технической литературы». ЦК ВКП(б) принял постановление «О постановке производственно-технической пропаганды» (1931), в соответствии с которым на предприятиях в массовом порядке стали создаваться технические библиотеки, бюро технической информации, кабинеты технической пропаганды.

Главная задача этих органов состояла в информационном обеспечении промышленного производства, распространении передового опыта, пропаганде технической литературы, повышении квалификации работников и т.д. Другими словами, в механизме индустриализации страны они становились функциональным узлом, практиковавшим, главным образом, библиотечно-библиографические средства и методы. Разумеется, технические библиотеки взаимодействовали с универсальными научными и массовыми [1], и вплоть до 1960-х гг. не возникало сомнений в нормальности и разумности этого партнерства.

Хрущевская «оттепель» и брежневский «застой» – время расцвета советского библиотечно-библиографического института. Расширялась всесоюзная библиотечная сеть, совершенствовалась организационно-управленческая структура (главная новация – централизация сети массовых библиотек), значительно увеличилось количество средних и высших библиотечных учебных заведений, пополнялся ассортимент профессиональных периодических изданий. Зарубежные коллеги с изумлением слушали выступления наших представителей на международных форумах: в СССР больше всего в мире библиотек (330 тыс.) и библиотечных работников (270 тыс.), самый большой в мире совокупный фонд (более 5 млрд), Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина – самая большая в Европе! У нас самое передовое социалистическое библиотековедение, самая мощная библиотечная школа! «СССР – великая библиотечная держава!» – повторяли советские библиотекари с законной гордостью, энтузиазмом и оптимизмом. Однако подспудно в социальной коммуникации Советского Союза назревал межведомственный конфликт, связанный с образованием системы научно-технической информации.

Эта система, инициированная в 1950-е гг. *вне библиотечной сферы*, интенсивно развивалась и быстро превратилась в крупномасштабную область народного хозяйства, включающую всесоюзные институты, центральные отраслевые институты и бюро, межотраслевые республиканские и территориальные центры, местные отделы (бюро) предприятий, организаций. К 1966 г. в стране работали 6 всесоюзных, 13 центральных отраслевых, 14 республиканских институтов НТИ, 24 центральных бюро технической информации в экономических районах и несколько сотен местных информационных служб в НИИ, КБ и на промышленных предприятиях.

В ноябре 1966 г. Совет Министров СССР принял постановление «Об общегосударственной системе научно-технической информации», в соответствии с которым сеть информационных органов страны объединялась в единую *Государственную систему научно-технической информации* (ГСНТИ), руководство которой возлагалось на Государственный Комитет СССР по науке и технике (ГКНТ). Фактически ГСНТИ получила статус социального института (отрасли) народного хозяйства. Благодаря довольно щедрым финансовым и техническим ресурсам и рациональной системной организации, информационный социальный институт (впоследствии его называли «инфосфера») быстро достиг внушительных размеров: в 1984 г. он включал 12 всесоюзных, 90 отраслевых, 14 республиканских, 113 межотраслевых территориальных органов НТИ и свыше 8,8 тыс. местных информационных служб, четко взаимодействующих друг с другом [2].

Основные организационные принципы ГСНТИ сводились, во-первых, к централизации обработки мирового потока НТИ и управления системой; во-вторых, к децентрализации доведения НТИ до конечных пользователей; в-третьих, к специализации и распределению функций обработки и распространения НТИ между органами НТИ разного уровня. Каждый орган НТИ, за исключением некоторых маломощных бюро технической информации на промышленных предприятиях, имел в своем составе библиотеку и занимался библиографическим обслуживанием специалистов. Сети академических и научно-технических библиотек, реферативная и научно-вспомогательная библиография перешли в ведение информационного социального института, который вовсе не считался библиотечно-библиографическим. Так произошла организационно-практическая дезинтеграция когда-то единого библиотечного дела.

Вновь организованная ГСНТИ, подчиненная ГКНТ, оказалась противопоставленной традиционному библиотечно-библиографическому институту, которым ведало Министерство культуры СССР. Поэтому решение об организации ГСНТИ было неодобрительно встречено специалистами библиотечного дела.

Выражая их точку зрения, Б. Н. Бачалдин написал в своих мемуарах: «Были нарушены все законы и логики, и экономики, и здравого смысла, предан забвению тысячелетний традиционный приоритет библиотек в научно-технической информации, отвергались тесные позитивные контакты служб НТИ с библиотеками, межбиблиотечные контакты. Самый древний, самый базовый и самый квалифицированный институт информации – библиотека – был низведен до положения учреждения второго сорта. Годами это позорное положение распространялось в обществе усилиями структур ГКНТ, автоматически усваивалось другими структурами, например, средствами массовой информации в центре и на местах... Невозможно отрешиться от негативной роли аппарата ГКНТ, который своей политикой сформировал в стране два независимых, враждующих информационно-библиотечных мира, лишил библиотечное дело столь естественного и необходимого единства. Две концепции развития библиотечной теории и практики, два действующих врозь и никогда согласованно всесоюзных межведомственных органа руководства библиотечным делом и координации. Как следствие — подспудно набирающие силы с каждым годом процессы ведомственной и региональной разобщенности, параллелизма, сепаратизма, автаркии, амбициозности отдельных библиотечных систем или их лидеров» [3. С. 207, 209].

Опытный чиновник-библиотековед Б. Н. Бачалдин и его единомышленники, на первый взгляд, абсолютно правы. Разделение исторически сложившейся библиотечной сети на два самостоятельных центра, принадлежащих разным ведомствам, и отстранение мощной библиотечной системы Министерства культуры от обслуживания быстро развивающейся науки и техники кажется нелепым и вредным. Но почему это нелепое решение было принято? Почему в советской планово-директивной системе государственного управления были воздвигнуты межведомственные барьеры?

Дело в том, что в эпоху научно-технической революции библиотечная система, являющаяся тоталитарной, начала утрачивать социальный престиж и авторитет. Министерство культуры СССР и возглавляемая им отрасль давно стали дисциплинированными бойцами идеологического фронта. Все библиотеки страны – от колоссальной Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина до карликовой сельской – считались идеологическими учреждениями, осуществляющими функцию коммунистического воспитания трудящихся масс. В эпоху советского тоталитаризма библиотечно-библиографическая система руководствовалась политическим, хозяйственным и культурным курсом КПСС.

Пропаганда книги и библиотечно-библиографическое руководство чтением были нацелены на «воспитание всесторонне развитой личности, формирование материалистического мировоззрения, повышение культурного уровня советских людей, массовое распространение профессиональных знаний». По словам О. С. Чубарьяна, «тысячи библиотекарей и библиографов, вооруженных марксистско-ленинской теорией и разносторонними знаниями, выступают в нашей стране в роли активных пропагандистов прогрессивной литературы, организаторов обслуживания широких масс книгой» [4. С. 31, 265]. Эта дисциплинированная, прекрасно организованная, трудолюбивая армия, увы, оказалась не востребованной для разрешения информационного кризиса науки и техники.

Безупречная репутация идеологического бойца, жесткое и не всегда тактичное воспитательное воздействие на читателей – причины, которые вызвали недоверие к библиотекам со стороны ученых и инженеров. Поэтому вместо того, чтобы развивать информационные службы на базе богатейших фондов научных библиотек и их библиографических традиций, специалисты науки и техники предпочли инициировать собственную, преимущественно (особенно на первых порах) библиотечно-библиографическую систему, надеясь таким путем выйти из-под опеки и контроля тоталитарных идеологических структур. Не думаю, что руководители ГКНТ были замаскированными антисоветчиками, скорее, они были прагматиками-технократами, которых волновало информационное обслуживание ученых и инженеров, а не их идейное воспитание.

Конечно, деидеологизация не распространялась на систему научной информации по общественным наукам, также входившую в состав ГСНТИ. Головная организация этой системы – Институт научной информации по

общественных наук Академии наук СССР (ИНИОН) – была учреждена в феврале 1969 г. В её состав вошла богатейшая Фундаментальная библиотека по общественным наукам, созданная в 1918 г. В 1972–1973 гг. ИНИОН приступил к выпуску реферативных журналов «Общественные науки за рубежом» и «Общественные науки в СССР», которые должны были охватить практически весь спектр социального и гуманитарного знания.

Позже были организованы отраслевые и республиканские органы общественно-научной информации. В их числе – Информационный центр по проблемам культуры и искусства в составе Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, взявший на себя заботу о информационном обеспечении специалистов в области библиотековедения и библиографоведения. В 1977–1978 гг. налажена научно-информационная деятельность в области педагогики. Активную реферативно-библиографическую и обзорно-аналитическую работу развернула в 1970-е гг. ВГБИЛ.

Работников научно-технических библиотек во главе с ГПНТБ СССР не привлекали идеологические заботы, поэтому они приветствовали относительную автономию своей сети. Используя материально-технические ресурсы ГКНТ, инициативные и энергичные руководители ГПНТБ СССР в 1960–1970-е гг. стали лидерами в области информатизации и автоматизации библиотечного дела. Даже скептик Б. Н. Бачалдин не без ностальгии признал: «То была золотая пора для сети технических библиотек, воспользовавшихся новой волной подъема партийно-государственной поддержки науки, техники, культуры, библиотечного дела. И что бы теперь ни писали и ни говорили нынешние политики, журналисты, молодые библиотековеды о тех днях, библиотекари ощущали признаки оживления их отрасли. Иным становилось дыхание фабрично-заводских библиотек, росла и укреплялась сеть территориальных ЦНТБ, в лучшую сторону изменялось отношение к ним местных властей, материально-финансовое обеспечение, возрастал их престиж» [3. С. 222].

Вторжение энергичных интеллектуалов-информаторов обусловило интенсификацию и рационализацию библиотечно-библиографической практики, появление новых средств и методов обслуживания читателей. Это был несомненный прогресс, плодами которого воспользовались не только научно-технические библиотеки, но и научные библиотеки Министерства культуры. Социальный институт ГСНТИ опирался на передовую научную методологию, а не на наследие В. И. Ленина и Н. К. Крупской, которым руководствовались лидеры социалистического библиотековедения и советской библиографии.

Методология ГСНТИ включала символическую логику и математическую лингвистику, семиотику, кибернетику, системный подход и математическое моделирование, а самое главное – ориентировала на практическое внедрение вычислительной техники в информационное обслуживание и использование положительного зарубежного опыта. Зарубежных библиотекарей не смущало, что «потенциальная библиотека будущего – это библиотека, наполненная людьми, но не книгами». Советские библиотековеды решительно отвергали эти домыслы буржуазных позитивистов. Например, О. С. Чубарьян подверг суровой критике еретическую утопию «библиотеки без книг» [5].

Как известно, в середине 1960-х гг. в Советском Союзе информатика стала самостоятельной научной дисциплиной. Появление новой науки знаменовал выход в свет капитального труда А. И. Михайлова, А. И. Черного и Р. С. Гиляревского «Основы научной информации» (Москва : Наука, 1965. – 655 с.). Второе издание под заглавием «Основы информатики» (Москва : Наука, 1968. – 756 с.) закрепило становление новой науки. Академический научный уровень, логичность, терминологическая строгость, новизна проблематики и необыкновенная *идеологическая раскованность* монографии произвели потрясающее впечатление на библиотечную интеллигенцию. Вызывающим и даже оскорбительным стало высокомерное обособление авторитетных авторов от библиотечного мира. Они заявляли, что библиотеки и органы информации – *два качественно различных института* современного общества, созданных для удовлетворения различных его потребностей. Стало быть, им противопоказано какое-либо сотрудничество на практике, а информатика и библиотечно-библиографические дисциплины не имеют ничего общего. При этом областью практического приложения информатики считалась ГСНТИ, в которую входили Всесоюзная и республиканские книжные палаты, система научно-технических библиотек с их библиографическими подразделениями, т.е. все органы государственной и научно-вспомогательной библиографии. Таким образом, библиотековедение и библиографоведение лишались значительной части своего предмета изучения.

Какие же проблемы были приоритетными в библиотечной политике 1960-х гг.? В 1964 г. при Министерстве культуры РСФСР создан Совет по координации научно-исследовательской работы в области библиотековедения и библиографии, определивший десять главных, ключевых научных проблем, на разработку которых были направлены усилия головных исследовательских центров: Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Московского и Ленинградского институтов культуры. Вот эти «ключевые проблемы»:

- ленинское наследие по библиотечному делу и библиографии;
- 50-летие библиотечного строительства в СССР и развития советской библиографии;
- единая система библиотечного обслуживания населения;

- рекомендательная библиография;
- библиотека и научная информация;
- экономика библиотечного дела;
- комплектование и использование библиотечных фондов;
- наследие Н. К. Крупской по библиотечному делу и библиографии;
- руководство чтением;
- механизация библиотечно-библиографических процессов.

Перечень «ключевых проблем» идеологически окрашен: наследие В. И. Ленина и Н. К. Крупской было признано методологическим фундаментом библиотечно-библиографической истории, теории и практики. Свобода творчества допускалась только в рамках ленинских заветов и последних партийно-государственных директив. Причем исследовательские коллективы – «проблемные комиссии» – трудились совершенно бескорыстно, на общественных началах, используя собственные подручные средства при моральной поддержке начальства.

Не все проблемные комиссии добивались положительных результатов в таких условиях. Например комиссия по механизации библиотечно-библиографических процессов, которой руководил Ленинградский институт культуры, не смогла продвинуться дальше обобщения работы некоторых библиотек с перфокартами ручного обращения. Однако некоторые комиссии совершили научный подвиг и получили весомые исследовательские результаты.

Особенно интересна деятельность проблемной комиссии «Библиотека и научная информация». Проблемы возникли в сфере библиотечно-информационного обслуживания специалистов науки и техники. Сотрудники ГСНТИ объявили её своей монополией, что оспаривали библиотекари универсальных научных библиотек (Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, республиканских, областных, краевых УНБ), ссылаясь на традиционную библиотечную практику. Проблемная комиссия, научным руководителем которой стала *Ираида Константиновна Кирпичева* (1922–1994), должна была разрешить этот спор.

Суть метода разрешения спора, взятого на вооружение проблемной комиссией, можно выразить афоризмом «Потребитель всегда прав». Если специалисты народного хозяйства предпочитают ориентироваться только на информационные услуги органов НТИ, включая научно-технические библиотеки, то УНБ могут не заботиться об информационном обслуживании своих читателей-специалистов; если же обнаружится обоснованный спрос на УНБ, то претензии информационных служб на монопольное положение несостоятельны.

Исследование стало грандиозным и уникальным: в 1965–1969 гг. с помощью социологов были тщательно подготовлены и отработаны методы анкетирования, интервью, наблюдения, анализа документальных источников и запросов; в сборе данных участвовали более 200 библиотек различных видов в разных регионах страны; свое отношение к библиотекам выразили более 33 тыс. специалистов отраслей народного хозяйства; проанализированы 500 тыс. требований к информационно-библиотечному обслуживанию и т.д. Ничего подобного в нашем библиотековедении ещё не было.

Однако главное достижение проблемной комиссии «Библиотека и научная информация» – это не колоссальные массивы собранных фактических данных, а постановка исследовательских задач и методология осмысления полученных результатов. Впервые в библиотековедческий лексикон введено понятие *профессиональная информационная потребность* (раньше были лишь «читательские интересы»), библиотечные и библиографические процессы рассматривались через призму информационного подхода, когда открытый доступ к фондам выглядел как источник информации, а выставки новых поступлений и библиографические обзоры – как методы информационного обслуживания. Одним словом, произошла *межнаучная интеграция*, состоящая в обогащении научного багажа библиотековедения понятиями информатики. Не случайно результаты многолетней деятельности проблемной комиссии «Библиотека и научная информация», изложенные в коллективной монографии «Специалист – библиотека – библиография. Опыт исследования профессиональных потребностей в информации» (Москва : Книга, 1971. – 446 с.), привлекли внимание как информатиков, так и библиотековедов в нашей стране и за рубежом.

Успешную деятельность проблемной комиссии во многом предопределил удачный выбор её руководителя. И. К. Кирпичёва в 1944 г. окончила МГБИ, была ассистентом Б. С. Боднарского на кафедре библиографии, но в 1950 г. её уволили как «дочь врага народа». К счастью, ей удалось найти работу в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в стенах которой и развернулась многогранная деятельность талантливого организатора библиотечных исследований. Ираида Константиновна сумела сплотить вокруг себя коллектив умных и надежных помощников – А. Л. Гольдберг, Е. В. Иениш, И. В. Кернес, А. Н. Ермолаева, Ю. П. Ивков и другие сотрудники ГПБ. Кроме того, у нее было немало единомышленников в других библиотеках страны.

Стиль научной деятельности И. К. Кирпичевой можно назвать *творчески-требовательным*. Она была генератором творческих новаций, но не утопических, а практически выверенных, умела формулировать исследовательские задачи на уровне современных научных методологий и добиваться успешного их решения.

Как правило, коллеги с ней соглашались. Действительно, что можно возразить против конечного вывода проблемной комиссии «Библиотека и научная информация»:

«В настоящее время, в условиях бурного развития различных средств информации, библиотеки и библиография по-прежнему занимают важное место в удовлетворении профессиональных запросов специалистов. Вместе с тем очевидно, что система библиотечно-библиографического обслуживания специалистов нуждается в серьезном совершенствовании. В развитии сети библиотек, комплектовании их фондов, постановке обслуживания, пропаганде библиотечно-библиографических знаний, подготовке и использовании информационно-библиографических изданий имеются существенные недостатки и неиспользованные возможности. Проведенное исследование способствовало их выявлению и предоставило в распоряжение библиотечной науки и компетентных органов материалы, которые помогут дальнейшему совершенствованию библиотечного дела в соответствии с профессиональными потребностями специалистов» [6. С. 387].

Однако я не могу свести вклад И. К. Кирпичевой и её сотрудников в библиотечную науку и практику лишь к предоставлению полезных материалов «в распоряжение библиотечной науки и компетентных органов». Они положили (вероятно, невольно и неосознанно) начало *информатизации* профессионального мировоззрения библиотечной интеллигенции. Если библиотека предоставляет специалисту книгу для удовлетворения его информационных потребностей, значит, книга – источник *информации*, а сама библиотека – *информационный* центр. Книжный фонд становится *информационным* фондом, работа с читателями – *информационной* деятельностью, библиотекарь – *информационным* работником, а библиотечная интеллигенция превращается в мифическую «информационную интеллигенцию». Абсурд? Нет, это логично и последовательно реализованный информационный подход к библиотечному делу.

Глубинный замысел исследования «Библиотека и научная информация» состоял в том, чтобы опровергнуть нелепые и вредные амбиции информационных технократов. Можно признать, что опровержение состоялось, и в этом я вижу главный, далеко ведущий итог научно-исследовательской работы этой комиссии. Информационный подход стал популярной методологией библиотечного и библиографического. Особенно продуктивным оказалось его использование в общей теории библиографии, где догматизированное и обветшавшее «марксистско-ленинское» учение о библиографии давно утратило свой авторитет. В 1970-е гг. возмужавшее и энергичное поколение шестидесятников осуществило *научную революцию* в советском библиографоведении. Этот переворот в профессиональном мировоззрении воплотился в методологии информационного подхода, когда библиография рассматривалась через призму категории *библиографической информации*.

После выхода в свет монографии «Проблемы общей теории библиографии» (Москва : Книга, 1975) *Олег Павлович Коршунов* становится признанным лидером революционных преобразований в библиографическом профессиональном сознании. Его выступления отличались несокрушимой логикой, бесстрашной критикой общепризнанных догм и авторитетов (за исключением К. Маркса!). Научно-революционный пафос О. П. Коршунова был созвучен современным новаторским поискам в отечественной философии и информатике. Используя потенциал информационного, системного, функционального подхода, восхождение от абстрактного к конкретному, отважный библиографовед стремился раскрыть сущность библиографии, разграничить сущностно-общий и исторически-конкретный уровни библиографии как целостного общественного явления.

Нельзя не согласиться с восторженными словами Э. К. Беспаловой: «Теория обрела системный характер, высветила информационную природу библиографической деятельности. Основные понятия подняты до уровня частнонаучных категорий, имеющих не только классовое, но и общечеловеческое содержание. Никогда еще общетеоретическая работа не поднималась так высоко, не вызывала столь серьезной дискуссии, ломки устарелых и твердо закрепившихся объяснений. Это революция в познавательной деятельности, но она имела моменты постепенного накопления, которые в теории О. П. Коршунова достигли концентрированной силы» [7. С. 10].

Стремительно расширялся круг сторонников и единомышленников О. П. Коршунова, но не дремали и оппоненты, представлявшие идеологический догматизм. Любопытно вспомнить обвинения, звучавшие тогда в адрес энергичного революционера. Вот они:

резкая критика « дезориентирует молодые кадры библиотекарей и библиографов », « наносит серьезный ущерб престижу советской библиографии за рубежом »; никакого « теоретического тупика » нет, а есть недоделки, недоработки, отдельные слабости и недостатки, но не более того;

теория Коршунова не имеет практической направленности, игнорирует передовой опыт, не опирается на тенденции развития советской библиографии, поэтому является « схоластическим теоретизированием »;

неправильно трактуется принцип партийности, не учитываются различия в идейных позициях

библиографов и особенности библиографии в социалистических странах;

замена термина *книга* термином *документ* ставит библиографию в зависимость от научно-информационной деятельности, а концепция Коршунова оказывается не библиографической, а документографической и ведет к «игнорированию различий социально-экономических формаций» и т.п. [8].

В учебнике «Библиография. Общий курс», вышедшем в 1981 г. под редакцией О. П. Коршунова, библиографическая информация определена как «информация о документах, выполняющая в конкретно-исторически обусловленных формах поисковую, коммуникативную и оценочную функции в системе документальных коммуникаций» [9. С. 25]. Библиографоведение получило дефиницию, раскрывающую предмет этой науки: «научная дисциплина, изучающая структуру и свойства библиографической информации, закономерности процессов её создания и доведения до потребителей» [Там же. С. 34].

Наконец, библиография в целом предстала как «система различных видов деятельности, обеспечивающая функционирование библиографической информации в обществе» [Там же. С. 25]. В 1980-е гг. информационная концепция библиографии О. П. Коршунова получила признание научного сообщества, монополизировала библиотечно-библиографическое образование и даже была зафиксирована в терминологическом ГОСТе. Полагаю, что будет справедливо назвать научно-революционный период развития библиографоведения *коршуновским*.

В области библиотековедения генератором революционных трансформаций в 1970–1980 гг. стал *Юрий Николаевич Столяров*. Я не знаю более авторитетного специалиста в современной библиотековедческой сфере, причем авторитет его не формальный. Ю. Н. Столяров блестяще эрудирован в области библиотековедения и в смежных областях. Сегодня на его счету более 600 публикаций по общему библиотековедению, библиотечному фондоведению, истории библиотечного дела, о деятелях библиотечной науки и практики (точнее, о профессиональной библиотечной интеллигенции), об актуальных проблемах библиотечного образования, а также по тематике библиографоведения, книговедения, документологии, культурологии, информологии [10].

Наши «информатизированные» библиотековеды и библиографоведы довольствуются обыденным пониманием информации как «сведений, данных, сообщений о чем-нибудь», наивно надеясь на этом шатком основании возвести стройную конструкцию непротиворечивой теории. Только Ю. Н. Столяров рискнул выйти за пределы обыденного умозрения. Восхищаясь его научной смелостью, я писал, рекомендуя к изданию его книгу «Сущность информации»: «Она – подлинный памятник мощи и отваги библиотековедческой мысли. Зачем альпинисты покоряют обледеневшие вершины? Зачем они устанавливают на них памятные знаки? Чтобы прославить свою Родину. Ю. Н. Столяров – научный альпинист, он штурмует одну из самых недоступных вершин современной Большой науки во славу родного библиотековедения» [11. С. 4]. Добавлю, что Юрий Николаевич – один из первых библиотековедов, осознавших себя гражданином информационного общества.

Опыт И. К. Кирпичевой, О. П. Коршунова, Ю. Н. Столярова доказывает, что нельзя стать полноценным библиотековедом и библиографоведом, пренебрегая научным багажом информатики. Тем более что информатики (и зарубежные документалисты), сами того не замечая, углублялись в изучение традиционных библиотечно-библиографических проблем, таких, как анализ документальных потоков, библиографический поиск, читательские потребности и интересы. Пользуясь математическими, логическими, лингвистическими, системными методами и подходами, информатики открывали закономерности, мимо которых проходили советские библиотековеды и теоретики библиографии. Вследствие этого в системе документально-коммуникационных наук обнаружился парадоксальный факт *перехвата научной проблематики*. Чтобы не быть голословным, приведу примеры фундаментальных библиографических закономерностей, открытых вне библиографоведения и постфактум освоенных теоретиками библиографии.

В 1948 г. английский химик-документалист С. Бредфорд обнаружил явление *рассеяния информации*, которое описал в виде *распределения*.

Распределение Бредфорда показывает зависимость между количеством статей определенной тематики в периодическом издании и его местом (номером) в ряду периодических изданий, упорядоченном по убывающей продуктивности статей этой тематики. По этому закону, если принять за единицу совокупность (кумуляцию) всех публикаций по какой-либо узкой тематике, то окажется, что в небольшом количестве профильных периодических изданий (ядре) опубликована около одной трети статей. Ещё треть публикаций по этому вопросу – в довольно большом круге тематически родственных журналов. И, наконец, еще одна треть публикаций «рассеяна» в журналах, тематически не связанных с данной областью. Это распределение выражено формулой, получившей название *закон Бредфорда*:

$$P_0 : P_1 : P_2 = 1 : n : n^2$$

Символами P_0, P_1, P_2 обозначено соответственно число журналов в ядре и последующих зонах, а n – показатель, получающий различные значения в зависимости от тематической области. Бредфорд принимал $n = 5$, и тогда, если в ядре оказывалось 100 журналов, то первая зона насчитывала 500, а вторая 2 500 периодических изданий самой разной тематики.

Истины ради отмечу, что приведенная статистическая формула выражает не необходимую взаимосвязь, а *тенденцию*, зависящую от многих факторов (отрасль, тематика, виды документов и пр.). Поэтому следует говорить о *закономерности Бредфорда*, а не о законе. Несомненна и очевидна принадлежность закономерности Бредфорда к предмету библиографоведения и значимость её для практики библиографического поиска и составления библиографических пособий всех видов.

В 1960-е гг. советские информатики Л. С. Козачков, Л. А. Хурсин, В. И. Горькова, изучая распределение публикаций в периодических изданиях, уточнили и расширили первоначальное понимание распределения Бредфорда. Суть их уточнений сводится к тому, что в документальных потоках, находящихся в упорядоченном состоянии, фактически имеет место не рассеяние, а *концентрация* релевантной для данной тематической области информации в определенной группе документальных источников.

Л. С. Козачков и Л. А. Хурсин уточнили математическую формулировку закономерности Бредфорда и добились более точного соответствия теоретически предсказанных распределений практически полученным данным [12].

В. И. Горькова в 1971 г. защитила в ВИНТИ докторскую диссертацию на тему «Системно-структурные исследования документальных информационных потоков», где предложила новые математические модели и дала следующую словесную формулировку закона концентрации-рассеяния: *документальные информационные потоки имеют два свойства – концентрировать ядерные элементы и рассеивать неядерные элементы*. Она предложила также алгоритмы для автоматизации трудоемкого процесса анализа информационных потоков.

Научно-исследовательские исследования документальных потоков открыли новое перспективное направление в научной информатике, которое сначала называлось «наукометрия» [13], а теперь – *библиометрия* (иногда – «инфометрия» [14]). *Библиометрия* определяется как «научная дисциплина, занимающаяся изучением документов на основе количественного анализа первичных и вторичных источников информации с помощью формализованных методов с целью получения данных об эффективности, динамике, структуре и закономерностях развития исследуемых областей» [15. С. 49].

В предмет библиометрии можно включить не только тематические распределения в документальных потоках, но и другие массовые явления, с которыми имеет дело библиография: цитирование научных публикаций, на основе которого создаются указатели библиографических ссылок типа Science Citation Index, читательская мода и потоки библиографических запросов, образование ядра классических произведений, комплектование справочно-библиографических аппаратов и библиографических баз данных и т.д. Поэтому можно сказать, что библиометрия – *методология открытия библиографических законов*.

Апробированные в информатике статистические подходы к изучению документальных потоков получили развитие и экспериментальное применение в трудах петербургских библиографов-отраслевиков Л. В. Зильберминц, Д. Ю. Теплова, Г. В. Гедримович, В. А. Минкиной, Г. Ф. Гордукаловой и других [16]. В настоящее время библиометрические методы, несмотря на их «небиблиографическую генетику», занимают заметное место в структуре библиографоведения [17], а статья «Рассеяния информации закон» заняла видное место в недавно вышедшей «Библиотечной энциклопедии» [18].

В теории ИПС приоритет изначально имел семантический библиографический поиск, т.е. поиск по тематическим запросам. Предполагалось, что именно несовершенство традиционных средств и методов библиографического поиска – причина информационного кризиса, беспокоящего ученых всех стран. О. П. Коршунов очень точно описал ситуацию, сложившуюся в начале 1970-х гг. По его словам, преодоление кризиса информации было осознано информатикой «прежде всего как насущная потребность в механизации и автоматизации процессов, которые по своей сущности являются библиотечно-библиографическими, но которыми в этом аспекте ни библиотечная, ни библиографическая наука (в силу их исторически сложившейся гуманитарной направленности) никогда всерьез не занимались. Представители информатики, придя к этим проблемам как бы со стороны, не склонны были признавать их библиотечно-библиографическими, считая, что они занимаются чем-то принципиально новым, органически не свойственным библиотечному делу и библиографии» [19. С. 75]. Действительно, библиографы-практики накопили большой опыт библиографических разысканий и библиографического обслуживания, иногда делились им со своими коллегами [20], но до формулирования теоретических законов дело не доходило.

Таким образом, инженеры-информатики, которые ни в коей мере не считали себя библиографами, начали изучать проблемы библиографического поиска, сначала с прагматической целью его механизации, а затем –

более углубленно, на существом уровне, до которого теории библиографии не доходили. Анализируя библиографический поиск по существу, информатики столкнулись с законами-зависимостями семантического библиографического поиска, которые вошли в состав теории ИПС. Эти зависимости, представляющие собой внутриотраслевые библиографические законы, обнаружались в результате экспериментальных исследований, проведенных в 1950–1960 гг. в Великобритании и в нашей стране.

Выяснилось, что существует обратная зависимость между показателями полноты и точности выдачи: увеличение одного из этих показателей неизбежно приводит к уменьшению другого, и наоборот. Следовательно, невозможно создать ИПС для поиска по тематическим запросам, которая обеспечивала бы 100% полноты и 100% точности, т.е. не имела бы потерь информации и информационного шума.

Обнаружилось противоречие между качеством поиска и экономическими затратами на создание системы: за хорошие показатели полноты и точности поиска приходится расплачиваться высокой трудоемкостью ввода документов в ИПС. Оказалось, что механизация (автоматизация) библиографического поиска оправдывает себя лишь при условии перехода на режим координатного индексирования, который следует рассматривать как средство борьбы с потерями информации и информационным шумом.

Экспериментальные исследования и анализ практики информационного поиска привели к пониманию фундаментальной значимости понятий релевантности и пертинентности для оценки эффективности всех видов информационного обслуживания. *Релевантность* представляет собой объективно существующую смысловую взаимосвязь между содержанием запроса и содержанием документа. Для достижения объективности оценка по релевантности должна осуществляться не автором запроса, а независимой экспертной (арбитражной) комиссией. *Пертинентность* понимается как субъективно оцениваемое смысловое соответствие выданного документа информационным интересам (потребностям) автора запроса, которое в состоянии оценить не посторонние эксперты, а только сам потребитель информации.

Конечно, оценки качества библиографического поиска с точки зрения релевантности и с точки зрения пертинентности не совпадают и не могут совпадать, ибо они осуществляются в разных смысловых пространствах: релевантность относится к *семантическому* пространству и является понятием *семантическим*, а пертинентность – к *прагматическому* (аксиологическому) пространству и входит в терминологию *прагматики*. Поэтому при отработке ИПС как семантической системы следует опираться на объективные семантические критерии, основанные на понятии релевантности, а в процессе эксплуатации ИПС уместны прагматические критерии, основанные на понятии пертинентности и позволяющие оценить степень полезности системы с точки зрения её пользователей.

Современные квалифицированные библиографы хорошо освоили понятия пертинентности и релевантности и уверенно используют их на практике. Чтобы не быть голословным, сошлюсь на статью М. Ю. Нещерет «Избыточная информация как средство достижения пертинентности» (Библиография. – 2007. – № 6. – С. 8–14).

Подведем итоги сказанному. Библиотеки изначально были ориентированы на грамотных, образованных читателей. Универсальные и специальные научные библиотеки всегда считали себя главными хранителями человеческого знания. И во время индустриализации, и в военные годы они добросовестно обслуживали ученых и инженеров, стараясь облегчить бремя познания и понимания. Поэтому учреждение ГСНТИ было воспринято в библиотечной среде как оскорбительный знак недоверия со стороны государственной власти. Гуманитариев-книжников шокировало бесцеремонное вторжение информационных технократов в исконные библиотечно-библиографические владения. Информаторы же видели в архаичных библиотечных технологиях главную причину информационного кризиса и отрицали ценность книжной культуры в эпоху кибернетики и искусственного интеллекта. Таким образом, в 1960-е гг. в нашей стране конкурировали два «независимых и враждующих информационно-библиотечных мира».

Теория научной информации стала прямым отрицанием познавательной ценности библиотечной и библиографической науки. Это отрицание вполне оправдано и объяснимо: советские библиотековедение и библиографоведение были идеологически зашоренными. Научная информатика одержала полную интеллектуальную и моральную победу. 1970-е гг. стали временем информатизации профессионального мировоззрения библиотекарей-библиографов, которые оказались в универсуме информационной коммуникации, где книга – источник информации, библиотека – информационный центр, читатель – потребитель документальной и библиографической информации, библиотековедение и библиографоведение – информационно-коммуникационные науки.

Благодаря информатизации, библиотечно-библиографическая практика обогатилась важными средствами и методами, а библиотечно-библиографическая теория – новыми фундаментальными идеями и прикладными закономерностями.

Список источников

1. **Мохов И. А.** Пропаганда технической литературы в массовой библиотеке : пособие для библиотекарей : 2-е изд. – Москва : Сов. Россия, 1959. – 263 с.
2. **Корюкова А. А., Дера В. Г.** Основы научно-технической информации : учеб. пособие. – Москва : Высшая школа, 1985. – 224 с.
3. **Бачалдин Б. Н.** Фрагменты памяти. – Москва : «Пашков дом», 2006. – 460 с.
4. **Чубарьян О. С.** Общее библиотековедение : учеб. для библ. фак.: 3-е изд. – Москва, 1976.
5. **Чубарьян О. С.** Библиотека и информация // Сов. библиография. – 1964. – № 4. – С. 3–12.
6. **Специалист – библиотека – библиография.** Опыт исследования профессиональных потребностей в информации. – Москва, 1971.
7. **Беспалова Э. К.** Главный итог // Сов. библиография. – 1987. – № 6.
8. **Серебрянников А. И., Фонов Г. П.** О компонентах общей теории библиографии в книге О. П. Коршунова // Там же. – 1977. – № 3. – С. 63–86.
9. **Библиография.** Общий курс / под ред. О. П. Коршунова. – Москва, 1981.
10. **Юрий Николаевич Столяров:** библиографический указатель. К 70-летию со дня рождения / отв. ред. С. Г. Антонова. – Москва : Наука, 2008. – 232 с.
11. **Столяров Ю. Н.** Сущность информации. – Москва, 2000.
12. **Козачков Л. С.** Системы потоков научной информации. – Киев, 1973.
13. **Налимов В. В., Мульченко З. М.** Наукометрия. Изучение развития науки как информационного процесса. – Москва : Наука, 1969. – 192 с.
14. **Горькова В. И.** Информетрия (количественные методы в научно-технической информации). – Москва, 1988. – 327 с. – (Итоги науки и техники. Серия Информатика / ВИНТИ. Т. 10).
15. **Фокеев В. А.** Библиографическая наука и практика. Терминологический словарь. – С.-Петербург : Профессия, 2008. – 272 с.
16. **Теплов Д. Ю.** К вопросу о рассеянии информации в советской технической периодике // Науч.-техн. информ. Сер. 1. – 1967. – № 1. – С. 5–8;
17. **Гедримович Г. В., Зильберминц Л. В.** Полнота отражения и критерии отбора мировой литературы для текущих библиографических изданий // Там же. – 1972. – № 3. – С. 29–35;
18. **Гедримович Г. В., Минкина В. А.** Методические советы по изучению информационных документальных потоков. – Ленинград. : ЛГИК, 1976. – 32 с.;
19. **Минкина В. А.** Основные направления качественной оценки технической литературы // Науч. и техн. б-ки СССР. – 1979. – № 1. – С. 11–17;
20. **Документальные потоки по естествознанию и технике и проблемы библиографии :** сб. науч. тр. / ЛГИК. Т. 76. – Ленинград, 1983. – 163 с.;
21. **Гордукалова Г. Ф.** Документальный поток социальной тематики как объект библиографической деятельности : учеб. пособие. – Ленинград : ЛГИК, 1990. – 108 с.
22. **Вохрышева М. Г.** Теория библиографии : учеб. пособие. – Самара, 2004. ;
23. **Библиотечная энциклопедия.** – Москва : «Пашков дом», 2007. – С. 847–848.
24. **Коршунов О. П.** Библиография в системе информационных коммуникаций. (К вопросу о соотношении библиографии с библиотечным делом и научно-информационной деятельностью) // Сов. библиография. – 1974. – № 6.

25. **Садова М. А.** В поисках книги: Библиографические разыскания при выполнении читательских требований. – Москва : Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1963. – 84 с.;
26. **Розова Н. М., Герасимова Л. М.** Традиционный библиографический поиск в библиотеке Российской академии наук : метод. пособие. – С.-Петербург : БАН, 1997. – 113 с.
27. **Моргенштерн И. Г.** Общее библиографоведение : учеб. пособие. – С.-Петербург, 2005.
28. **Гедримович Г. В.** Рассеяние литературы по металлургии в мировой периодике // Там же. – 1968. – № 1. – С. 12–17;